

ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Юрий Александрович Новиков

Литовский экологический университет (Вильнюс, Литва)

Редкие и уникальные элементы как инструмент исследователя былин

Систематизация и анализ редких и уникальных элементов былин позволяет выявить подвергшиеся редактированию, зависимые от книги и фальсифицированные тексты, установить генеалогическое соотношение родственных по происхождению вариантов, решить некоторые другие научные проблемы. Нередко эти детали достоверно отражают реалии раннего средневековья. Однако подобные исследования требуют привлечения всех доступных записей, ориентация на ограниченный круг вариантов может привести к сомнительным или ошибочным выводам.

Ключевые слова: былина, текст, инструмент, стереотип, уникальные элементы, сходжение, фальсификация, книга, исследователь.

Внимание эпосоведов всегда привлекали редкие и уникальные элементы анализируемых текстов. Условно их можно разделить на три категории: реликты архаичных традиций, сохранившиеся в единичных записях; нестандартные детали и формулы, свойственные записям из одного региона; индивидуальные новации отдельных сказителей. Однако эти группы не всегда поддаются четкому разграничению, поскольку их идентификация нередко сопряжена с субъективными оценками.

Оригинальные подробности повествования, нестандартные словосочетания и имена собственные могут служить надежными индикаторами для выявления зависимых от книги и фальсифицированных текстов. Если в былине *Илья Муромец и Калин-царь* конь освобождает своего хозяина от пут, то зависимость этого варианта от старины пудожского сказителя И. Фепонова [Гильфердинг, № 57] практически не вызывает сомнений, поскольку в других устных по происхождению текстах этот мотив не встречается. На связь с печатными источниками указывает также эпизод с пленением и освобождением трех царевичей в сюжете

Илья Муромец и Соловей-Разбойник, позаимствованный из нижегородской записи этой былины [Киреевский, вып. 1, 34]. Имена *грозного царя Этмануила Этмануловича* (от лит. *etmonas*, воспринятого как имя собственное) и сына Ильи Муромца *Збут-королевич* восходят к вариантам из сборника Кирши Данилова [Кирша Данилов, №№ 15, 50], а портрет красавицы-жены в формуле хвастовства Ставра Годиновича — к старине В. Щеголенка из Кижей [Рыбников, № 75]. Подобные схождения с классическими вариантами эпических песен использованы нами в качестве важных аргументов в аналитическом указателе *Былина и книга* [Новиков 2001]. Обилие “невиданных и неслыханных” деталей и формул — верный признак серьезной правки или сознательной подделки текстов собирателем или издателем. Так, в былине *Илья Муромец и Соловей-Разбойник*, якобы записанной в Московской губернии и насчитывающей всего 20 стихов [Киреевский, вып. 1, 30], находим множество элементов, чуждых традиционной стилистике и лексикону народных эпических песен: *Не белые-то снега забелелися, // Забелелась грудь молодецкая, // Молодецкая, воеводская; рыщет борзый конь; дубы столетние, <...> вековечные; узрел Илья Муромец* и т.п. Таковы же явно фальсифицированная алтайская старина о подвигах жены Ильи Муромца, которая в отсутствие мужа переодевается мужчиной и истребляет осадившее Киев вражеское войско [Гуляев, № 30], начало былины о Дюке из Пермской губернии [Миллер, № 58], иркутский вариант *Былины про Илью Муромца и обжору хлебоядного* [Сидельников 1968, № 45] и ряд других записей.

Анализ редких и уникальных элементов былинных текстов нередко позволяет выявить отразившиеся в них реалии средневекового быта. Это — упоминание ритуальных гуляний и состязаний во время массовых празднеств (после разгрома богатырями полчищ царя Калина в Киеве *была гульба, борьба и кулачный бой* [Смирнов, № 68]); надвратных икон в усадьбах богатых феодалов (*...над воротами было икон до семидесяти* [Гильфердинг, №№ 225, 229]); *колоколов плакущих / радущих* или *плакун-колокола*, которые своим звоном возвещают о надвигающейся беде или одержанной победе над врагами [Рыбников, № 142; Гильфердинг, № 304]; ср. с исторической песней *Гнев Ивана Грозного на сына* [Соколов — Чичеров, № 228]); *Пятницкой пятны (пятнина* — одна из пяти частей, на которые в эпоху раннего средневековья делились новгородские владения) [Гильфердинг, № 193]. За четверть века до открытия археологами берестяных грамот два сказителя-односельчанина описали использование березовой коры для письма [Соколов — Чичеров, №№ 71, 89]. В одной из мезенских былин рассказывается о том,

В бою с новгородцами дружина Василия Буслаева *в крови ходит, по колен бродит* [Рыбников, № 169], *стоит* <...> *по колен в крови* [там же, № 150]. Близкие параллели к этим деталям и формулам находим в русских летописях и воинских повестях, в *Слове о полку Игореве*, *Задонщине* и других произведениях.

В ряде случаев нестандартные детали и формулы позволяют судить о генеалогическом соотношении различных вариантов. При этом важно учитывать, что в зависимых от прототекстов былинах эти элементы могут быть утрачены или искажены. Так, в старине И. Сивцева-Поромского царь Василий Окулович венчается с похищенной им женой царя Соломана *во кирке во соборной* [там же, № 183]. Такая же подробность обнаруживается в тексте А. Артемьевой [Соколов — Чичеров, № 218], что позволяет считать ее преемницей Сивцева-Поромского. В былине внука этого певца *кирка соборная* заменена обычной для русского эпоса *Божьей церковью*, а словосочетание *вставка новгородская* [драгоценный камень в кольце] превратилось в *бочку новгородскую* [там же, № 208]. Два варианта сюжета *Василий Буслаев и новгородцы*, записанные в Шенкурском уезде Архангельской губернии, чрезвычайно близки по содержанию и стилю [Киреевский, вып. 5, 1, 8], но во втором тексте архаичный глагол *тети* [‘рубить, сечь’] заменен просторечным *тяпнуть* (*Тял брата осью тележною* → *Тяп во белы груди осью тележною*). Во втором случае искажение очевидно. Если эти варианты генетически связаны между собой, то исходным является первый из них. Собираясь выдать себя за грозного посла иноземного царя, жена Ставра передевается в мужское платье и *подрубает* свои *косы русы*. В былине А. Чукова в роли парикмахеров выступают *фершалы*, а у его соседа П. Калинина — *фельдмаршалы* [Гильфердинг, №№ 151, 7]. И здесь исходным правомерно считать текст первого сказителя.

Следует оговориться, что анализ редких или уникальных элементов требует предельной осторожности и привлечения максимально большего круга вариантов, в идеале — всего корпуса зафиксированных собирателями произведений. Между тем исследователи нередко ограничиваются несколькими классическими сборниками былин, да и в них отдают предпочтение эталонным текстам прославленных сказителей. Такой подход чреват сомнительными или даже ошибочными выводами. Сошлемся на несколько показательных примеров, перечень которых можно продолжить.

Доказывая зависимость ряда эпических песен И. Касьянова от ранее опубликованных вариантов А. Чукова, П.Д. Ухов, в частности, опирался на тождество в них эпических концовок:

*Тут век про Ставра старину́ поют,
Синему морю-то на ти́шину,
А вам, добрым людям, на послушанье* [Гильфердинг, № 151].

“Нужно отметить, что эта концовка встречается только у А. Чукова, у других сказителей ее нет”, — подчеркнул исследователь [Ухов 1970, 151]. Если другие его аргументы не вызывают сомнений, то это утверждение не соответствует действительности. Данную формулу использовали сказители из разных регионов России, причем не только в былинах, но и в исторических песнях и балладах [Гильфердинг, №№ 40, 44 — Прионежье; Свод, т. 1, № 106 — Печора; Кириша Данилов, № 3 — Северный Урал и др.]. Более того, эта же концовка завершает некоторые записи духовных стихов [Бессонов, вып. 2, № 76 и др.], то есть является общерусским фольклорным, а не только былинным стереотипом. С конца XIX в. в русской науке утвердилась традиция в качестве главного доказательства отражения профессии сказителя в его текстах ссылаться на одну из старин бродячего портного П. Калинина [Соколов 1929, 26 и др.]: от удара Ильи Муромца голова Идолища Поганого *отлетела <...> будто пугвица* [Гильфердинг, № 4]. Привлечение других записей свидетельствует о том, что эта формула — общерусский стереотип, не связанный с жизненным опытом эпических певцов; он встречается в былинах еще по крайней мере десяти исполнителей, ни один из которых не был портным [Рыбников, № 193; Марков, № 94; Соколов — Чичеров, № 41 и др.].

Имя вражеского царя *Калин* некоторые певцы заменяли на *Каин* [Рыбников, № 142; Гильфердинг, № 34; Марков, № 251 и др.]. В.П. Аникин не совсем корректно объяснил появление этого антропонима в былинах, связав это с народной этимологией. “Массе народных сказителей <...> имя Каин не было понятно, и они превратили его в «Калина»” [Аникин 1964, 109]. С такой трактовкой трудно согласиться. Народная этимология предполагает замену непонятого слова понятным, а не наоборот: *Тугарин* превращается в *Гогарина* [Григорьев, № 202], племянники литовского короля *братья-витники* или *витвички* (видимо, от лит. *vutis*) — в *совитников* [Рыбников, № 136] или *витязьков* [Черняева, № 27]; *Идолище* — в *Одолище*, *Едолище* или *Неодолище* [Рыбников, № 6; Соколов — Чичеров, № 6 и др.]; вместо старинного, но давно забытого имени *Ставр* / *Ставёр* *Годинович* в одном из текстов появляется *Ковёр* *Единович* [Черняева, № 27] и т. п. Тюркское по происхождению имя *Калин* (от прозвища “толстяк”) ничего не говорило русскому крестьянину, а *Каин* многим был знаком по Ветхому завету и церковным проповедям. Так что первичным в былинах следует признать имя *Калин*, а не *Каин*.

Академик Б.А. Рыбаков, опираясь на уникальную, по его мнению, формулу *Хоботы метал по темным лесам*, связал ее с названием урочища *Черный Бор* в Заволжье, где в старину произошла битва русских с кочевниками, и на этом основании, используя летописные данные, с точностью до одного километра и до одного дня определил место и время событий, описываемых в сюжете *Суровец-Суздалец* [Рыбаков 1963, 143–144]. Между тем эпитет *леса темные* популярен не только в русской народной поэзии, но и в фольклоре других народов, а топоним *Черный Бор* является одним из самых распространенных (поселок с таким названием — Juodšiliai / Черный Бор — есть и в окрестностях Вильнюса). Формула *Хоботы метал по темным лесам*, означающая беспорядочное движение взад-вперед, встречается только в тексте из сборника Кириши Данилов [Кириша Данилов, № 58], в других записях *Суровца-Суздальца* ее нет. В уральском сборнике так же передвигается персонаж другой былины, сын Саула Леванидовича [там же, № 26]. С учетом этих фактов аргументация Б.А. Рыбакова не выдерживает критики. Ошибки можно было бы избежать, если бы исследователь опирался не на отдельный вариант эпической песни, а на всю совокупность ее записей с привлечением вариантов других сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.П., 1964: *Русский богатырский эпос*: Пособие для учителя. Москва.
- Байбурун А., Беловинский Л., Конт Ф., 2004: *Полузабытые слова и значения*: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. Москва.
- Бессонов = *Калеки переходные*: Сборник стихов и исследование П. Бессонова, вып. 2. Москва, 1861.
- Гильфердинг = *Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года*, т. 1–3. Москва; Ленинград, 1949–1951.
- Григорьев = *Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг., с напевами, записанными посредством фонографы*, т. 1. Санкт-Петербург, 2001.
- Гуляев = *Былины и исторические песни из Южной Сибири / Записи С.И. Гуляева*. Новосибирск, 1939.
- Кириша Данилов = *Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым*. Подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. Москва, 1977.
- Киреевский = *Песни, собранные П.В. Киреевским*, вып. 1–6. Москва, 1860–1864.
- Лихачев Д.С., 1952: *Возникновение русской литературы*. Москва–Ленинград.
- Марков = *Беломорские старины и духовные стихи*: Собрание А.В. Маркова. Изд. подготовили С.Н. Азбелев и Ю.И. Марченко. Санкт-Петербург, 2002.
- Миллер В.Ф. (ред.), 1908: *Русские былины новой и недавней записи из разных местностей России*. Москва.

- Новиков Ю., 2001: *Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов*. Санкт-Петербург.
- Рыбаков Б.А., 1963: *Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи*. Москва.
- Рыбников = *Песни, собранные П.Н. Рыбниковым*, т. 1–3. Третье издание. Петрозаводск, 1989–1991.
- Свод = *Былины*: В 25 томах (= Свод русского фольклора), т. 1–2: *Былины Печоры*. Санкт-Петербург, 2001; т. 3–5: *Былины Мезени*. Москва, 2003–2006.
- Сидельников В., 1968: *Былины Сибири*. Томск.
- Смирнов – *Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока*. Изд. подготовили Ю.И. Смирнов и Т.С. Шенталинская. Новосибирск, 1991. (= *Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока*, т. 3).
- Соколов Б.М., 1929: *Русский фольклор*, вып. 1. Москва.
- Соколов — Чичеров = *Онежские былины*. Подбор былин и научная редакция текстов Ю.М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. Москва, 1948.
- Ухов П.Д., 1970: *Атрибуции русских былин*. Москва.
- Черняева = *Русские эпические песни Карелии*. Издание подготовила Н.Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Anikin V.P., 1964: *Russkij bogatyrskij jepos*: Posobie dlja uchitelja. Moskva.
- Bajburin A., Belovinskij L., Kont F.. 2004: *Poluzabytye slova i znachenija*: Slovar' russkoj kul'tury XVIII–XIX vv. Moskva.
- Bessonov = *Kaleki perehozhie*: Sbornik stihov i issledovanie P. Bessonova, vyp. 2. Moskva, 1861.
- Gil'ferding = *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda*, t. 1–3. Moskva; Leningrad, 1949–1951.
- Grigor'ev = *Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A.D. Grigor'evym v 1899–1901 gg., s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa*, t. 1. Sankt-Peterburg, 2001.
- Guljaev = *Byliny i istoricheskie pesni iz Juzhnoj Sibiri*. Zapisi S.I. Guljaeva. Novosibirsk, 1939.
- Kirsha Danilov = *Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym*. Podgotovili A.P. Evgen'eva i B.N. Putilov. Moskva, 1977.
- Kireevskij = *Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim*, vyp. 1–6. Moskva, 1860–1864.
- Lihachev D.S., 1952: *Vozniknovenie russkoj literatury*. Moskva–Leningrad.
- Markov = *Belomorskie stariny i duhovnye stihi*: Sbranie A.V. Markova. Izd. podgotovili S.N. Azbelev i Ju.I. Marchenko. Sankt-Peterburg, 2002.
- Miller V.F. (red.), 1908: *Russkie byliny novoj i nedavnej zapisi iz raznyh mestnostej Rossii*. Moskva.
- Novikov Ju., 2001: *Bylina i kniga: Analiticheskij ukazatel' zavisimyh ot knigi i fal'sificirovannyh bylinnyh tekstov*. Sankt-Peterburg.

- Rybakov B.A., 1963: *Drevnjaja Rus': Skazanija. Byliny. Letopisi*. Moskva.
- Rybnikov = *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym*, t. 1–3. Petrozavodsk, 1989–1991. Tret'e izdanie.
- Svod = *Byliny: V 25 tomah* (= Svod russkogo fol'klora), t. 1–2: *Byliny Pechory*. Sankt-Peterburg, 2001; t. 3–5: *Byliny Mezeni*. Moskva, 2003–2006.
- Sidel'nikov V., 1968: *Byliny Sibiri*. Tomsk.
- Smirnov – *Russkaja jepicheskaja poezija Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Izd. podgotovili Ju.I. Smirnov i T.S. Shentalinskaja. Novosibirsk, 1991. (= *Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*, t. 3).
- Sokolov B.M., 1929: *Russkij fol'klor*, vyp. 1. Moskva.
- Sokolov–Chicherov = *Onezhskie byliny*. Podbor bylin i nauchnaja redakcija tekstov Ju.M. Sokolova. Podgotovka tekstov k pečati, primechanija i slovar' V. Chicherova. Moskva, 1948.
- Uhov P.D., 1970: *Atribucii russkih bylin*. Moskva.
- Chernjaeva = *Russkie jepicheskie pesni Karelii*. Izdanie podgotovila N.G. Chernjaeva. Petrozavodsk, 1981.

YURIY NOVIKOV

Rare or Unique Elements of Russian Epic Songs as Instruments of the Investigator

The author of this article shows on concrete patterns how the systematization and analysis of rare or unique elements of Russian epic songs (*bylinas*) help in solving some scientific problems. Non-standard details, formulas, personal names serve as reliable indicators that the texts are changed by recorders or editors, that they are dependent on books or even falsified. Besides, they help to reveal variants related by birth and to determine their genealogic relationship. Often, they reflect details of early medieval history or life conditions, contain poetic forms similar to the literary monuments of ancient Russia. However, their analysis must be done on the background of all recorded texts of *bylinas*. Authors who use only limited variants of epic songs (V. P. Anikin, B. A. Rybakov and others) sometimes come to doubtful or erroneous conclusions.

Keywords: Bylina, text, instrument, stereotype, unique elements, similarity, falsification, book, investigator.

JURIJ NOVIKOV

Reti ir unikalūs bylinų elementai kaip tyrėjo instrumentai

Straipsnio autorius konkrečiais pavyzdžiais parodo, kaip rusų bylinų reti ir unikalūs elementų sisteminimas ir analizė padeda spręsti specifines problemas. Nestandartinės detalės, formulės, tikriniai vardai tampa patikimais indikatoriais, kad tekstai užrašytojų ar skelbėjų pakeisti, jie susiję su knygomis ar net falsifikuoti. Be to, nestandartinės detalės padeda atpažinti giminingus variantus ir nustatyti jų geneologinius saitus. Jos dažnai atspindi ankstyvųjų viduramžių istorijos ar gyvenimo sąlygų smulkmenas, poetinėmis

formomis sutampa su senovės Rusios literatūros paminklais. Tačiau jas reikia analizuoti remiantis visais užrašytais bylinų tekstais. Autoriai, kurie naudoja tikrai pavienes epinių giesmių variantus (V. P. Anikinas, B. A. Rybakovas ir kt.), kartais daro abejotinas arba nepagrįstas išvadas.

Reikšminiai žodžiai: bylinos, tekstas, instrumentas, unikalūs elementas, panašumas, falsifikacija, knyga, tyrėjas.

Поступило в редакцию: 25 апреля 2017 г.

Принято к печати: 29 мая 2017 г.

Юрий Новиков, хабил. доктор гуманитарных наук, профессор.

Yuriy Novikov, PhD (Humanities), professor.

Jurijus Novikovas, profesorius, hab. humanitarinių mokslų daktaras.

E-mail: kerbnov1@gmail.com

PRANCIŠKAUS
SKORINOS

Rusėniškajai

Biblijai –

500

*Ex
Strica*